

НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ СИНТАГМ С КОЛИЧЕСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В РУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

Семантическая организация предложения, содержащего переходный глагол, при определенных (как языковых, так и внеязыковых) условиях может включать в себя значение количественной оценки приглагольного (и/или другого актанта) объекта. Вопрос о том, какому компоненту предложения — глаголу (точнее, его аспектуальной семантике) или объекту — принадлежит заслуга в деле образования этого значения, акцентируется авторами всех исследований, в которых оно в той или иной степени рассматривается.

Так, А. Вежбицка в своей известной работе „On the Semantics of the Verbal Aspect in Polish“ [6] интерпретирует глагол несовершенного вида в его актуально-длительном значении как ненумерованное множество последовательных актов действия, а значение его объекта — как „бесконечный континуум“: *Ян ел кашу, Ян пил молоко*; глагол же совершенного вида она представляет в виде исчислимых отдельных событий, а его объект — как обязательно специфицируемый модификатором меры: *Ян съел миску каши, Ян выпил стакан молока*. Если показатель меры не эксплицирован, то семантически он все равно присутствует и состоит в этом случае из числа „один“ (1 предмет или 1 множество предметов) и квантора „весь“ или „все“: *Ян съел кашу = Ян съел всю кашу*. Это явление автор объясняет различием семантической природы объектов в контекстах аспектуально различных глаголов.

Несогласие с этим выводом высказывает М. Я. Гловинская [1, с. 32]. В силу того, считает она, что не все глаголы совершенного вида способны имплицировать в высказывании „значение полного охвата объема действием (‘весь объект’)“, напр., *Кошка поймала мышку ≠ Кошка поймала всю мышку*, то этот семантический компонент естественно включить в значение некоторых глаголов совершенного вида, но каких именно, М. Я. Гловинская не объясняет.

В данной статье, в абстракции от вопроса „глагол или объект?“, рассматриваются факторы, стимулирующие количественное согласование глагола совершенного вида и его прямого объекта (главным образом посредством понятия полного охвата объекта действием). Такими факторами являются

внеязыковая специфика действия, выраженного глаголом, лексическая и аспектуальная семантика последнего, семантика объекта и его коммуникативный статус (определенность — неопределенность имени). В статье производится сопоставительный анализ некоторых видов предикатно-объектных структур с количественным значением в русском и литовском языках.

В первом приближении можно выделить пять типов высказываний с переходным глаголом совершенного вида, в зависимости от того, специфицирован или не специфицирован в них приглагольный объект модификатором меры. Возьмем следующие предложения:

- /1/ *Маша съела [все] пирожные.* /2/ ... *[все] пирожное.*
/3/ *Иван прочитал [все] статьи.* /4/ ... *[всю] статью.*
/5/ *Она вымыла [всю] посуду.* /6/ *Она пережила [всех] своих детей.*
/7/ *Бабушка уронила [все] чашки.* /8/ *Он сбросил [все] вещи на пол.*
/9/ *Кошка поймала мышку.* /10/ **Кошка поймала [всю] мышку.*
/11/ *Маша сварила компот.* /12/ **Маша сварила [весь] компот.*
/13/ *Он ударил мальчишку.*
/14/ **Он ударил мальчишек.* **Он ударил всех мальчишек.*
/15/ *Лошадь лягнула женщину.*
/16/ **Лошадь лягнула женщин.* **Лошадь лягнула всех женщин.*
/17/ *Вдоль улицы высадили деревья.*
/18/ **Вдоль улицы высадили все деревья.*
/19/ **Вдоль улицы высадили половину деревьев.*

А. В предложениях /1/ — /6/, описывающих ситуацию пространственно-временной дискретизации, глагол и объект имеют дискретную природу, дискретность объекта обеспечивается представлением его в виде множества, при этом множества „алгебраического“, или „суммы слагаемых“, по определению А. А. Холодовича [4, с. 177]. Соотношение между элементами множества действий и элементами предметного множества достигается изоморфным и последовательным путем: n действий $\rightarrow n$ предметов. Значение завершенности, присущее дискретно-протяженным глаголам совершенного вида, семантику которых А. Вежбицка представляет формулой ‘имперфект + Кончить’ [6, с. 2242]¹, имплицитно означает смысл ‘все’ у членимого объекта, включая случаи его репрезентации грамматическим единственным числом, см. /2/, /4/, /6/, при том что в предложениях /2/ и /4/ членимость единичного объекта обуславливается только семантикой глагола.

Б. В предложениях /7/ и /8/ множественный характер имеет только объект, выступающий здесь как „арифметическое“ множество, или сумма слагае-

¹ См. замечание О. Н. Селиверстовой: „Значение дискретности вытекает из смысла ‘кончить(ся)’, входящего в значение всякого предельного глагола“ [2, с. 136].

мых, по А. А. Холодовичу. Глагол же не обладает значениями членимости, протяженности и завершенности, а имеет „точечную“ природу, выражающуюся в совпадении начала и конца действия.

Хотя глагол, представляющий собой монолитное действие, соотносится с объектом не поэлементно, а как с некоторым родом коллектива (1 действие \rightarrow n предметов), тем не менее множество, как бы оно ни было представлено в языке, в своей логической основе должно обладать такой характеристикой как объем, в силу чего в сочетании „точечного“ глагола с множественным объектом также (эксплицитно или имплицитно) реализуется количественное значение объекта.

В. Предложения /9/ — /12/ демонстрируют сочетаемостные характеристики дискретного глагола совершенного вида и недискретного относительно этого глагола объекта. Почему же употребленные здесь глаголы санкционируют такое представление объектов? (Ср.: *Маша выпила весь компот, Кошка съела всю мышку*). По-видимому, потому, что дискретность этих глаголов имеет другую природу по сравнению с глаголами в предложениях типа А, где элементы множества действий представляют собой отдельные однородные действия, а само глагольное множество является суммой слагаемых, тогда как в данном случае действие если и членится, то на разнородные действия, образующие множество в виде суммы слагаемых. Количественное согласование глагола и объекта будет иметь вид: n действий \rightarrow 1 предмет. Нечленимый характер объекта обуславливает невозможность реализации в соответствующих предложениях смысла ‘все’.

Г. В предложениях /13/ и /15/, как можно видеть, схема согласования глагола и прямого объекта иная: 1 действие \rightarrow 1 предмет, т.е. в этих предложениях наблюдается свойство нечленимости и действия и объекта; такая ситуация является прямым отражением нашего внеязыкового опыта, говорящего о том, что действия-денотаты подобных глаголов направляются только на один („точечный“) объект. В контексте такого глагола невозможно употребление не только слов *весь, все*, но и множественного числа имени; см. примеры /14/ и /16/.

Д. Предложение /17/, в противоположность ранее рассмотренным, имеет приглагольный объект, выраженный неопределенной дескрипцией и обозначающий только представителя (представителей) некоторого класса. Не имея в своей семантической структуре идеи ограниченного множества, такое нереферентное имя может употребляться только с „прямыми“ показателями количества (математическими или ситуативными, напр., *десять, пятьсот, много*), но не с логическими, в основе которых лежит отношение числа к исходному множеству (*половина, большинство, все*; см.: /18/ и /19/). Присутствие

или отсутствие компонента 'дискретность' в семантической структуре глагола в данном случае значения не имеет.

Таким образом, в деле репрезентации смысла количественной оценки объекта высказывания типа А, Б, В, Г опираются на логические идеи множества и дискретности (в А и Б входят предложения, способные к его выражению, в В и Г — не способные), в высказываниях же типа Д решающую роль играет коммуникативная категория неопределенности².

Далее будет рассмотрен один из видов сочетаний глагола и его объекта, в основной своей массе принадлежащих к типу высказываний А. Эти сочетания представляют собой феномен морфо-лексического выражения идеи множества, который имеет место и в русском и в литовском языках, при том что эти языки обладают как общими в этом отношении, так и индивидуальными чертами.

Большинство глаголов русского и литовского языков не имеют в своих семантических структурах пресуппозиции множественности, будучи способными сочетаться как с множественными, так и с единичными актантами. Однако в обоих языках существуют глаголы, множественный характер актантов которых является их сочетаемостным требованием. При этом некоторые глаголы содержат такое требование имплицитно: *вымереть, водиться, обитать, плодиться; burti(s), telkti(s), veisti(s), dauginti(s), knibždėti*. Другие (их значительное количество) имеют специальные регулярные средства выражения множественности — глагольные приставки.

В русском языке: **пере-**: *пересмотреть все фильмы, перессорить всех гостей, перемерить все платья, передумать многое*; **об-**: *обзвонить всех друзей, оборвать все цветы, облетать всю страну*; **раз- (рас-)**: *растерять все иллюзии, рассовать все вещи, растащить все дрова*; **по-**: *порастерять всех друзей, повыколотить все ковры, повыдергать все гвозди, повыудить все новости*; **на-**: *наговорить многое, натащить много грязи, наготовить много еды*; **со-**: *собрать всех друзей, сконцентрировать все войска, согнать всех коров*.

В литовском языке: **su-** а) *sugaudyti (visus) paukščius, sudėlioti (visas) knygas*; б) *sušaukti (visus) draugus, suvesti (visus) vaikus*; **iš-**: а) *iškapoti (visus) karklus, išmėtyti (visus) daiktus*; б) *iškirsti (visus) karklus, išmesti (visus) senus daiktus*; **nu-**: а) *nulaužyti (visas) šakas, nutraukti (visus) siūlus*; б) *nulaužti (visas) šakas, nutraukti (visus) siūlus*; **ap-**: а) *apkabinėti (visas) sienas paveikslais*; б) *apeiti (visus) namus, apšerti (visus) gyvulius*; **per-**: а) *perkandžioti (visus) riešutus, perdžiaustyti*

² Ср. высказывание Ч. Филлмора о том, что в финском языке семантические различия в пределах выбора прямого объекта оказываются связанными с такими понятиями как определенность, завершенность и полнота охвата [3, с. 508].

(*visus*) *skalbinius*; б) *permerkti* (*visus*) *drabužius*; **pa-**: а) *papjaustyti* (*visus*) *veršius*³; **pri-**: *prikalinėti* (*daug*) *vinių*, *pripirkti* (*daug*) *visokių daiktų*, *pririnkti* (*daug*) *uoгу*.

Общим для обоих языков является принцип организации синтагм, включающих в себя глаголы с перечисленными кванторными приставками, суть которого можно описать следующими словами: 1. Пресуппозиция множества сосредоточена в приставке глагола, которая, естественно, в пределах другого глагола или другого контекста может, в силу присущей приставкам многозначности, иметь другое значение. 2. Объектом (или иногда другим актантом) при этом глаголе способны быть только имена, удовлетворяющие его референтное требование, т.е. обозначающие реальное или потенциальное множество предметов. 3. От приставки исходит также требование указания объема множества. 4. Такое указание, по А. Вежбицкой, согласуется только со смыслом законченности действия, что имплицитно на поверхности форму совершенного вида глагола.

Остальные, весьма существенные с точки зрения образования подобных синтагм, семантические характеристики, репрезентируются в русском и литовском языках различными способами. Рассмотрим последние отдельно в каждом из названных языков.

5. **Русские** глаголы, образующие такие сочетания, имеют значение „последовательного многопредметно направленного действия“, при этом функцию дискретизации предметного множества и функцию выражения итеративного значения принимает на себя глагольная приставка. Как можно было увидеть в первой части статьи, важным параметром сочетаемости является способ соотнесения элементов действия с элементами множества-объекта, одни приставки выражают последовательность их соотнесения, другие — одновременность или нейтральность. Приставки **со-**, **раз-**, **на-** могут обозначать как последовательные действия, так и одновременные; наиболее устойчива в своей нейтральности приставка **со-**, приставки же **раз-** и **на-** для выражения смысла последовательности могут принимать помощь приставки **по-**: *набросать* — *понабросать*, *наглотаться* — *понаглотаться*, *растащить* — *порастащить* и др. Приставки **пере-**, **об-** и **по-** выражают только поочередные действия, причем последняя способна выполнять двойную функцию: наряду с самостоятельной репрезентацией последовательной направленности дискретного

³ Приставки **iš-**, **nu-**, **su-**, **ap-**, **per-**, **pa-**, как отмечено Й. Паулаускасом [см.: 5, с. 9, а также 7, р. 229], являются наиболее употребляемыми (из 12 глагольных приставок литовского языка) с функцией указания, что действие распространяется на множество, на совокупность предметов.

действия (*попрятать, поубивать, побросать*) она является еще и интенсификатором этого значения у других кванторных приставок.

Что касается семантического признака 'количественная оценка множества', актуального для данной статьи, то для всех русских приставок, кроме **со-** и **на-**, он имеет следующие пределы своих значений: $1/2 \leq N \leq n$, что позволяет говорить о двух количественных значениях: логическом 'все' и ситуативном 'много'. **На-** фактически пресуппонирует не объект, называющий конкретное множество предметов, а тот класс, к которому эти предметы принадлежат. Тем самым глаголы с приставкой **на-** вместе с множественным объектом образуют предложения типа Д, и в их составе приобъектно может употребляться только лексема *много* (и ее синонимы), но не лексема *все*⁴. Приставка **со-** имеет двойственную природу: она может функционировать подобно **пере-**, **об-** и **по-**, но санкционируя более широкие пределы объема множества: $2 < N \leq n$ (*собрать несколько человек, собрать всех родственников*), и подобно **на-**, требующей от приглагольного объекта обозначать не множество, а принадлежность к классу (*созвать гостей*).

Большой количественный потенциал множества является заданным при сочетании глаголов с данными приставками и именами объектов; незначительный объем множества служит сочетаемостным противопоказанием. Напр., правильны предложения: *Она переколотила половину, много тарелок, все тарелки*, но неправильны: *Она переколотила три, несколько, немного тарелок*.

6. Отличие структуры литовских синтагм, в которых указание на множество имеет эксплицитное выражение, от аналогичных в русском языке состоит в следующем. Хотя глаголам в них также присущи значения пространственной и временной дискретности, последние не локализируются в приставке: дискретизация действия на последовательные акты в литовском языке прежде всего производится итеративными суффиксами *-yti, -ėti, -inti, -inėti, -oti, -uoti* (иногда итеративность выражается сменой гласных). Функция же расчленения пространственного множества на элементы обычно осуществляется совместно значениями глагольной приставки и итеративного суффикса (см. словосочетания *a* в вышеприведенном списке литовских словосочетаний).

⁴ Это количественное своеобразие приставки **на-** проявляется и в том факте, что глаголы, ее имеющие, употребляются с партитивом, отсутствие количественного показателя при котором тождественно смыслу 'большое количество'; см.: *Пристанет, бывало, к красным девушкам, надарит лент, серег, монист. Гоголь.*

Нередко важно и значение корня. Глагол, имеющий приставку с множественным значением, но не имеющий итеративного суффикса, семантически сходен с русскими глаголами с приставкой *со-*, т.е. обычно проявляет индифферентность к смыслу одновременности — неодновременности отдельных актов действия, ср.: *išmesti visus daiktus, nulaužti šakas* (см. словосочетания б в упомянутом списке литовских словосочетаний). Глагол же с итеративным суффиксом, но без приставки множественного значения полностью не детерминирует множественного актанта, и обозначаемое им многоактное действие может быть направлено на один и тот же предмет, напр.: *mėtyti obuolius, mėtyti obuolį, gaudyti vištas, gaudyti vištą*, но не *išmėtyti obuolį, išgaudyti vištą*.

Что касается объема множества, выраженного именной группой, то он не одинаков для всех вышеупомянутых множественных приставок литовского языка, но у большинства из них (*su-*, *iš-*, *ap-*, *pa-*, *per-*) ему свойственны более широкие границы, чем у русских приставок, а именно: $2 < N \leq n$, т.е. фактически возможны любые количественные значения, за исключением 'два', которое иногда встречается только у приставки *su-* в контексте неитеративного глагола.

7. Из сопоставления русских словосочетаний, в составе которых имеются глаголы с кванторными приставками, с аналогичными в литовском можно сделать общие для них замечания, касающиеся средств выражения количественного значения 'все'. Отсутствие лексемы *все* имплицитно выражают значения всех русских приставок, за исключением *на-* и в некоторых случаях *со-*, а в литовском языке — значения множественных приставок *su-*, *iš-*, *pu-*, *ap-*... В таких случаях возможна прямая подстановка местоимений *все* и *viskas*, если же такая подстановка неосуществима, то это свидетельствует о том, что в соответствующих предложениях акцентируется не идея множества, а идея принадлежности к классу или виду.

Подведем итог сказанному. Синтагмы русского и литовского языка рассмотренного типа, интерпретируя логическую идею множества, одновременно выражают сопутствующие ей значения дискретности действия и множественного объекта, одновременной — неодновременной соотнесенности отдельных действий с отдельными предметами, завершенностью действия, указания границ объема множества предметов. В русском языке лидером в деле репрезентации этих значений является глагольная приставка, в литовском основную семантическую нагрузку делят между собой значения приставки и суффикса глагола.

SOME TYPES OF SYNTAGMS WITH QUANTITY MEANING IN RUSSIAN AND LITHUANIAN

Summary

The article examines the conditions under which the quantitative specification of the direct object (in particular the sense of 'all') takes place in the context of the perfective verb. The subject of this article is also syntagms of Russian and Lithuanian (verb of action + noun), which are the phenomena of morphological-lexical representation of the logical idea of multitude. The article shows the non-trivial semantic organization of the syntagms which is conditioned by the fact that the interpretation of this idea in the given languages is accompanied by the set of the other meanings. The main difference between Russian and Lithuanian syntagms consists in different ways by which elements of the semantic structure are reflected by elements of the surface structure, mainly by the verbal affixes.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. — М., 1982.
2. Семантические типы предикатов. — М., 1982, гл. 2.
3. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981.
4. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. — Л., 1979.
5. Паулаускас Й. Функции глагольных приставок в современном литовском литературном языке: Автореф. дис. канд. филол. н. — Вильнюс, 1958.
6. Wierzbicka A. On the Semantics of the Verbal Aspect in Polish. — In: To Honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday. The Hague—Paris, 1967.
7. Lietuvių kalbos gramatika. — V., 1971, t. 2.